

Эрнст Юнгер и Эрих Мария Ремарк: картины памяти Великой войны

Сергей В. Артамошин

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия,
artamoshinsv@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринят анализ образа военного поколения Великой войны на примере творчества писателей Эрнста Юнгера и Эриха Марии Ремарка. Творчество Э. Юнгера является знаковым для понимания исторической памяти о войне, так как в своих работах он старался не только фиксировать происходящее, но и понять мотивацию действий участников сражений. В исторической памяти Германии его книга «В стальных грозах» стала ярким примером фиксации исторической памяти о войне, приобрела всемирную известность и стала одной из центральных работ по истории войны и военного поколения. Роман Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен» стал образцом антивоенного произведения, приобретшим мировую известность. Исследуются способы трансляции исторической памяти о войне, использованные Э. Юнгером и Э.М. Ремарком для передачи военных переживаний участников войны германскому населению. Представляется, что через демонстрацию военных переживаний авторы старались показать глубинную связь между ветеранами войны и глобальными мировыми процессами Первой мировой войны. В статье рассматриваются постановка проблемы военного поколения как «потерянного поколения» и различные оценки Э. Юнгера и Э.М. Ремарка.

Ключевые слова: Эрнст Юнгер, Эрих Мария Ремарк, Первая мировая война, военное поколение 1914 г., военные переживания, «потерянное поколение», историческая память, Западный фронт 1914–1918 гг.

Для цитирования: Артамошин С.В. Эрнст Юнгер и Эрих Мария Ремарк: картины памяти Великой войны // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 6. С. 26–36. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-26-36

Ernst Junger and Erich Maria Remarque. Memory images of the Great War

Sergei V. Artamoshin

*Ivan Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia,
artamoshinsv@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the image of the military generation of the Great War using the example of the works of Ernst Junger and Erich Maria Remarque. The work of E. Junger is significant for understanding the historical memory of the war, since in his works he tried not only to record what was happening, but also to understand the motivation for the actions of the participants in the battles. In the historical memory of Germany, his book “In Storms of Steel” became a striking example of recording the historical memory of the war, gained worldwide fame and became one of the central works on the history of the war and the war generation. Erich Maria Remarque’s novel “All Quiet on the Western Front” became an example of an anti-war work that gained worldwide fame. The article explores the methods of transmitting the historical memory of the war, that were used by E. Junger and E.M. Remarque to convey to the German population the war experiences of war participants. It seems that through the demonstration of war experiences, the authors tried to show the deep connection between war veterans and the global world processes of the First World War. The article discusses the formulation of the problem of the military generation as a “lost generation” and its various assessments by E. Junger and E.M. Remark.

Keywords: Ernst Junger, Erich Maria Remarque, World War I, military generation of 1914, war experiences, “lost generation”, historical memory, Western Front 1914–1918

For citation: Artamoshin, S.V. (2024), “Ernst Junger and Erich Maria Remarque. Memory images of the Great War”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 6, pp. 26–36, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-26-36

Введение

Германский писатель, лауреат Нобелевской премии Гюнтер Грасс в книге «Мое столетие» в хронологическом отрезке 1914–1918 гг. рассматривает события войны в виде несостоявшейся встречи в Швейцарии двух писателей Эрнста Юнгера и Эриха Марии Ремарка, которые обсуждают память о войне и не находят понимания и примирения друг с другом. В Германии традиционно два восприятия войны противопоставляются друг другу как различные вариации образа войны в национальной памяти.

Основное содержание

Следует указать на то, что военный опыт Эрнста Юнгера и Эриха Марии Ремарка несопоставим. Эрнст Юнгер находился на Западном фронте с декабря 1914 по сентябрь 1918 г., за исключением излечения в госпиталях и кратковременных отпусков домой. Эрих Мария Ремарк находился на Западном фронте чуть больше месяца, с 17 июня по 31 июля 1917 г. до получения ранения, далее до конца войны находился в госпиталях. Они оба принимали участия в битве при Камбре летом 1917 г. Они принимали участие в боевых действиях, но масштабы их действий различны: если для Э. Юнгера характерно участие в бесчисленном количестве атак и траншейных боев, то Эрих Мария Ремарк принимал участие в нескольких вылазках, когда и получил осколочные ранения. Они оба были награждены, но их отношение к боевым наградам было диаметрально противоположным: Эрнст Юнгер, лейтенант пехоты, был награжден орденом *Pour le Mérite*, Рыцарским крестом Королевского ордена Дома Гогенцоллернов с мечами, Железным крестом I и II степени, Золотым нагрудным знаком за ранения. Наградами Первой мировой войны он гордился. Эрих Мария Ремарк был награжден в ноябре 1918 г. Железным крестом, от которого отказался, что служило демонстрацией его отношения к войне в революционной Германии. Они оба принадлежали к одному поколению, рожденные соответственно в 1895 и 1898 гг. Но каждый из них свой путь на войну определял сам: Э. Юнгер ушел на нее добровольцем, а Эрих Мария Ремарк попал на фронт по призыву в ноябре 1916 г.

Война воспринималась как переломный момент истории. В Великой войне, в отличие от Второй мировой войны, прослеживается не только политический аспект, но и ожидание духовного обновления, преодоления буржуазной стабильности. Воодушевление первого месяца войны передавалось многим. Ощущалось чувство единения народа в условиях войны, что должно было послужить формированию социальной сплоченности. Об этом писали немецкие интеллектуалы, например, слова немецких профессоров в обращении от 23 октября 1914 г.: «У германской армии нет иного духа, нежели дух германского народа, потому что армия и народ суть одно целое, и мы тоже принадлежим к этому целому» [Рингер 2008, с. 221].

Для Э. Юнгера оставалась важной проблема осмысления войны, приобретенного опыта, так как война, как ни парадоксально звучит, оставалась для него важным делом, миром, из которого он начинал объективно выпадать, но с которым желал сохранить связь,

ведь он был практически всем, что он имел. Поэтому избавляться от этого наследия он не собирался, напротив, старался понять то, что произошло в Великую войну. Можно отметить характерную черту его подхода, состоящую в отказе от осуждения и отвержения военного опыта, а его принятие как опыта данного, полученного через страдание, страх, боль. Здесь прежде всего находится принятие опыта как части собственной личности, возвращенной там, в пространстве смерти, и еще живущей в нем через воспоминания и сны. В этом не было тупого милитаризма, жажды восхваления войны и возвышения смерти. Скорее здесь присутствовало принятие жизни в том виде, в котором она явилась Юнгеру, поскольку он сам принимал участие в позиционной войне на Западном фронте и был частью того процесса, который называли Великой войной. Можно согласиться с Ю.Н. Солониным, что «именно война создала его как личность, и он отплатил ей благодарностью, ни разу не прокляв, не осудив» [Солонин 2000, с. 22].

Э. Юнгер воспринимал свою биографию не как нечто исключительное, а как составную часть биографии поколения. Писатель полагал, что «мой основной опыт, выражающийся процессом самой моей жизни, не что иное, как типичный жизненный опыт моего поколения, его вариация, связанная с мотивом времени, быть может, обособленная разновидность, но отнюдь не выпадающая из родовых признаков»¹. Как отмечал германский исследователь Х.-П. Шварц, эмоциональные переживания войны оказали воздействие на его творчество в 1920-е гг., так как ««кровь, розы и прекрасные слезы» — эта эмоциональная сущность юнгеровского национализма, здесь становилась непосредственно реальной» [Schwarz 1962, S. 65]. Он относил себя к тому поколению молодежи, которое в тяжелое военное время посчитало для себя невозможным оказаться вне происходящего, поэтому их выбор означал для них участие в войне. В этом просматривалась связь с судьбой народа и государства, становившегося его судьбой. М. Хитала справедливо обращала внимание на эмоциональность ощущения войны Э. Юнгером, указывая на то, что «юношеское переживание войны было иррациональным, авантюрным опытом, связанным с сильным акцентом на душевные переживания» [Nietala 1975, S. 43].

Гибель солдата на войне происходит, но важным является то, как он проявляет себя, что лежит в основе его поступков. В этом Э. Юнгер видел исключительность момента, который обобщенно называется героизмом. Он писал, что «не могу не вспомнить моло-

¹ *Юнгер Э.* Рискующее сердце: Версия первая. Записки днем и ночью / пер. с нем. В.Б. Микушевича. СПб.: Владимир Даль, 2010. С. 108.

дого друга, почти безо всякой военной подготовки, прямо из транспортного поезда, попавшего во Фландрии в ночную атаку. В то время как старые солдаты вокруг него давно залегли в укрытии, он, как дитя, шагал по незнакомой, брызжущей огнем местности, а впоследствии признавался, почти в смущении, что его при этом занимала одна мысль: что если залечь «не подобает?». Так он шел вперед, пока его не поверг на землю снаряд, и уже теперь, когда я вижу его в дверях с искалеченным плечом, я испытываю чувство благодарности – за то, что вопреки всему мы живем в эпоху, когда детские мечты не совсем разочаровывают. Неправда, будто Плутарх лгал, Ариост же еще правдивее»². Следует заметить, что этот «молодой друг», о котором Юнгер писал, был его родной брат Фридрих Георг, спасенный им из санитарного блиндажа во Фландрии.

Понимание войны влекло за собой стремление уловить не только изменения средств войны, поведения и духа солдата, но и временную трансформацию восприятия войны, что указывает на желание понять глубину произошедших изменений. Это не была апология войны. Так получилось, что панорама войны, человека на войне, предложенная Э. Юнгером, стала как для участников, так и противников войны милитаристским гимном Великой войне, что во второй половине XX в. звучало как приговор. Вместе с тем следует указать на односторонне-политизированную интерпретацию юнгеровской книги, в которой как сторонники национализма, так и пацифисты и левые находили для себя аргументы. Конечно, Э. Юнгер никогда не осуждал Великую войну, так как это означало бы осквернение памяти погибших и осуждение самого себя, сожжение собственной молодости, которая и без того прошла огонь сражений, испытаний и не раз глядела в лицо смерти. Гордился ли он этим? Гордился тем, что принадлежал к поколению, которому выпало на долю пройти суровые испытания Великой войны и выжить в ней. При этом неужели у Э. Юнгера не находилось слов осуждения того, что несла собой война? Не нужно долго искать, чтобы увидеть, что с превознесением героического поступка проступает со страниц боль утрат, гибель солдат, которыми он командовал, офицеров, с которыми он служил. В его словах присутствует суровая воинственность. Войны не выбирают, в них участвуют. Каждый выносит из нее свое, и каждое суждение достойно внимания. Представлять Э. Юнгера прямолинейным милитаристом означает ничего не понять из того, что было им написано. Можно привести его свидетельство лета 1918 г., говорящее о том, насколько изменилось восприятие войны с 1914 г.: «В эти минуты в меня закрадывалось чувство, до сих пор чуждое:

² Юнгер Э. Рискующее сердце. С. 234.

глубокая перемена в ощущении войны, происходящая от затянувшейся на краю бездны жизни. Сменялись времена года, приходила зима и снова лето, а бои все шли. Все устали и притерпелись к лику войны, именно эта привычка заставляла видеть все происходящее в совершенно другом, тусклом свете. Никого больше не ослепляла мощь ее проявлений. Чувствовалось, что смысл, с которым в нее вступали, иссяк и не удовлетворяет больше, – борьба же требовала все новых суровых жертв. Война подбрасывала все более сложные загадки. Странное это было время³.

Символика военного времени выражалась в фигуре солдата, ведь не техника, а человек были участниками боев. Не случайно, что впоследствии иллюстрацией обложек многих книг о войне стала одинокая фигура солдата. Фигура безымянного солдата как защитника ценностей становилась основой нового мировоззрения, произрастающего в траншеях мировой войны. «Единственное утешительное воспоминание связано с мгновениями войны, когда внезапная вспышка взрыва выхватывает из темноты одинокий образ часового, который должен был там стоять уже давно. Вы – братья, в этих бесчисленных, ужасных ночных стражах собравшие в темноте сокровище для Германии, которого хватит навеки. Культ одиноких возникает из жажды братства, более безымянного, из тяги к духовному единению, более глубокому, чем это свойственно людям»⁴. Утверждение о единстве переживаний участников войны выражено в единении символического и телесного, в том, что отличает солдата от других людей – отметины войны, оставленные на теле. Они есть неумолимые свидетельства и одновременно гордость от принадлежности к воинскому сословию. «Не существует знамен помимо тех, которые носят на теле»⁵.

Он понимал все то, что несла с собой война, которая повсюду «безучастно выталкивает жизнь»⁶. Первоначальный юношеский порыв восприятия войны в стиле «эмоций и роз» в послевоенное время приобрел совершенно иной ракурс, что было естественно, но в нем не было остервенелой злобы в отношении войны, не как явления, а как события, через которое он прошел, ставшего частью его тела и души. Поэтому пацифистская фраза «оправдание войны», на наш взгляд, слишком топорно и примитивно передает тот комплекс

³ Юнгер Э. В стальных грозах / пер. с нем. Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2000. С. 299.

⁴ Юнгер Э. Рискующее сердце. С. 114.

⁵ Юнгер Э. Рабочий: Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб.: Наука, 2000. С. 160.

⁶ Юнгер Э. Рискующее сердце. С. 78.

восприятий, которые Э. Юнгер старался высказать. Можно отметить, что в них он дистанцируется от крайностей, подчеркивая, что «тот, кто усматривал в ней лишь грубое, варварское, вышелеушивал одно лишь качество из гигантского комплекса, как и тот, кто видел в ней лишь патриотическую героику»⁷. Осознание этого момента произошло у Э. Юнгера достаточно рано, примерно в 1915 г., когда он отметил, что «эта война была чем-то большим, чем просто великой авантюрой»⁸.

Пространство восприятия войны для Э. Юнгера ограничивалось небольшим отрезком фронта, а группа участников составляет роту. Это означает, что Юнгер являлся солдатом с передовой, с ограниченным восприятием боевых действий. Здесь нет масштабного охвата событий, показывающих широкую панораму, но присутствует взгляд из окопа. Пехотная рота была подобна «закопавшемуся в песок животному»⁹, представляла собой спаянный коллектив, который объединяло единство судьбы. Двойственность человека на войне представляло собой присутствие его в коллективе, в боевом подразделении и одновременно одиночество, которое он испытывал, сталкиваясь со смертью. Юнгер отмечал, что «в сущности, в этом воюющем сообществе, в этой роте, обреченной жить и умирать, особенно отчетливо обнаруживались странная текучесть и скорбь человеческого общения»¹⁰. Писатель подчеркивал стремительность времени, которое становится иным, чем в обычном состоянии. Люди жили мгновением, и с «человечеством их связывали тонкие нити, которые могли порваться в любую минуту. <...> Когда рота несла очередную потерю, все остальные стояли над телом убитого, и взгляды их соприкасались глубоко и смутно. Но когда смерть грозным облаком нависала над окопами, тогда каждый был за себя, оставаясь один в темноте среди воя и скрежета, ослепленный взрывающимися молниями и не чувствуя в груди ничего, кроме безграничного одиночества»¹¹.

По мнению Э. Юнгера, солдат Великой войны был представителем своего времени и одновременно противоположностью ему. Буржуазная стабильность сталкивалась со стремлением к антибуржуазности, риску, аванюре. Война лишь придала этим порывам дополнительный рывок, сделав их важными и естественными. То, что таилось в глубине души и вступало в конфликт с действитель-

⁷ Юнгер Э. Рискующее сердце. С. 56.

⁸ Юнгер Э. В стальных грозах. С. 64.

⁹ Юнгер Э. Рискующее сердце. С. 39.

¹⁰ Там же. С. 41.

¹¹ Там же. С. 39–41.

ностью, теперь приобретало смысл. Война изменяла человека на свой лад, раздавливая или оттачивая его. «И Штурм, лежа в засаде, сознавал, насколько он изменился. Ибо человек, лежащий здесь за кустом репейника и сквозь прицел ружья высматривающий добычу, уже был не тот, кто всего два года назад со всей несомненностью шагал через толчею уличных образов, причастный до кончиков пальцев последним внушениям большого города. И все-таки что такое напало на него, на книжника, на завсегдатая кафе, на интеллектуала с нервным лицом? Что повлекло его в армию, оторвав от докторской диссертации? Что еще, если не война, которая была у него в крови, как было свойственно каждому настоящему сыну своего времени, задолго до того, как она огнедышащим зверем устремилась на арену явлений»¹². Э. Юнгер полагал, что мотивами участия добровольцев в войне было чувство ответственности, которое в момент испытаний закаляло человека.

Индивидуальность военного опыта определялась тем, что в сражениях каждый приобретал свое, как он отмечал, «тут самого себя пробуешь на зуб». В какой-то момент человек настолько сливается с битвой, что становится частью энергии, которая влечет его вперед, пробуждая в нем героизм: «Если бы путь Штурма не определялся непоколебимыми звездами Честь и Отчизна, если бы его тело не закалилось в упоении битвой, как в чешуйчатой кольчуге, он тащился бы под градом из огня и стали, как моллюск или как дергающийся клубок нервов». И только бой становился настоящим испытанием, когда начинается «вражеская атака после бешеного обстрела. Как выпрыгивают тогда лучшие и сильнейшие из своих укрытий и как накладывает на лучших свое тавро последний железный бросок, в то время как внизу в своих норах дрожат слабейшие, оправдываясь известным изречением: “Лучше на пять минут струсить, чем умереть навсегда”»¹³. Смелость и героизм в бою определялся «утонченным чувством чести, когда малейший намек на трусость отторгается брезгливостью как нечто нечистое»¹⁴. Известный германский исследователь Б. Циманн называл военную прозу Э. Юнгера «книгой героев», считая его стереоскопическим наблюдателем и хронистом Великой войны, показывающим телесное и психическое разрушение человека посредством насилия и жестокости войны [Ziemann 2013, S. 65].

Изданный в 1929 г. роман Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен» имел огромный успех, отраженный в полу-

¹² Там же. С. 54.

¹³ Там же. С. 43.

¹⁴ Там же. С. 49.

миллионном тираже и многочисленных переводах, а также в не менее шумевшей экранизации романа в США в 1930 г., получившей премию Оскар за лучший военный фильм. Произведение Ремарка стало лидером антивоенного романа, подчеркивая разрушительное воздействие войны на духовный мир человека.

Рассматривая проблему восприятия войны и ее влияние на поколение немцев, можно подчеркнуть, что в представлении Э.М. Ремарка война уничтожила молодость. «Каждому из нас не больше двадцати лет. Но разве мы молоды? Разве мы молодежь? Это было давно. Сейчас мы старики»¹⁵. Война воспринималась Ремарком как явление, которое не только уничтожает человека, но и разрушает основные человеческие ценности, возвращая его в период варварства, дикости, где господствуют инстинкты уничтожения. То, что называется выживанием, трактуется Ремарком в отрицательном понимании как крайняя форма дикости, до которой опускается в битве человек, когда солдаты становятся «полулюдьми-полуживотными». «В нас просыпается инстинкт зверя, – это он руководит нашими действиями и охраняет нас»¹⁶.

Э.М. Ремарк полагал, что война выжгла все, не оставив ничего ни живого и ни ценного в душе человека. Он не видел в ней никаких положительных качеств, исключительно отрицательные – только боль, страдание и пустоту. «Мы бесчувственные мертвецы, которым какой-то злой волшебник вернул способность бегать и убивать»¹⁷. Во многом это определялось тем, что период нахождения Э.М. Ремарка на фронте был незначительным, поэтому его опыт войны – это опыт лазарета, где страдание и излечение от ран является лицом войны. Это становится основанием его осуждения войны. В представлении Э.М. Ремарка произошло уничтожение поколения, которое жило надеждой, верой в созидание, а в результате все это было потеряно. Он отмечал, что «мы больше не молодежь. Мы уже не собираемся брать жизнь с бою. Мы беглецы. Мы бежим сами от себя. От своей жизни. Нам было восемнадцать лет, и мы только еще начинали любить мир и жизнь; нам пришлось стрелять по ним»¹⁸.

Э.М. Ремарк не видел в ветеранах войны будущего, только пустоту. В них даже не осталось прошлого. Они полые люди, выжженные войной. «Я молод – мне двадцать лет, но все, что я видел в жизни, – это отчаяние, смерть, страх и сплетение нелепейшего

¹⁵ Ремарк Э.М. На Западном фронте без перемен // Ремарк Э.М. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. М., 1991. С. 17.

¹⁶ Там же. С. 36–37.

¹⁷ Там же. С. 70.

¹⁸ Там же. С. 55.

бездумного прозябания с безмерными муками. <...> Что скажут наши отцы, если мы когда-нибудь поднимемся из могил и предстанем перед ними и потребуем отчета? Чего им ждать от нас, если мы доживем до того дня, когда не будет войны? Долгие годы мы занимались тем, что убивали. Это было нашим призванием, первым призванием в нашей жизни. Все, что мы знаем о жизни, – это смерть. Что же будет потом? И что станет с нами?»¹⁹. Э.М. Ремарк, в отличие от Э. Юнгера, не видит в военном опыте ничего ценного и значительного. Его дискурс – абсолютное отрицание войны, так как в ней не остается ничего, кроме смерти и жертв. Рефлексия Э.М. Ремарком войны выглядит как «путь мертвых». Те же, кто выжили, мертвы внутри. «Теперь мы вернемся усталыми, в разладе с собой, опустошенными, вырванными из почвы и растерявшими надежды. Мы уже не сможем прижиться. <...> Мы не нужны самим себе, мы будем жить и стариться, – одни приспособятся, другие покорятся судьбе, а многие не найдут себе места»²⁰.

Особенностью восприятия войны Эрнстом Юнгером было стремление не только сохранить в памяти детали сражений, в которых он принимал участие, но и постараться понять особенность и новый характер Великой войны. Он стремился к сохранению памяти о войне и ее героях. Для него она была не ошибкой или катастрофой, а процессом, способствующим становлению нового военного поколения, опирающегося на ценности любви к Отечеству, решительности, мужеству, чести. Он не считал, что поколение немцев, прошедшее войну, следовало отнести к «потерянному поколению».

Заключение

Именно отрицание позитивного опыта, извлеченного из войны, делает суждения Э. Юнгера и Э.М. Ремарка противоположностями, которые исходят из разных источников военных переживаний: окопа переднего края и лазарета. В политической жизни Веймарской республики роман Э.М. Ремарка вовремя попал на почву мирового кризиса, создав единый дискурс страдания. В конечном счете два дискурса объединены желанием ответить на вопрос, чем была Великая война для юного поколения ветеранов. И так получается, что Э. Юнгер и Э.М. Ремарк давали героическую, уважительную оценку, с одной стороны, и осуждающую, с другой стороны. Их объединяет точка поворота – Великая война 1914–1918 гг.

¹⁹ Там же. С. 150–151.

²⁰ Там же. С. 165.

Литература

- Рингер 2008 – Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890–1933 / пер. с англ. Е. Канищевой, П. Гольдина. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 648 с.
- Солонин 2000 – Солонин Ю.Н. Эрнст Юнгер: образ жизни и духа (Предисловие) // Юнгер Э. Рабочий: Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / пер. с нем. А.В. Михайловского. СПб.: Наука, 2000. С. 5–54.
- Hietala 1975 – Hietala M. Der neue Nationalismus: In der Publizistik Ernst Jüngers und des Kreises um ihn. 1920–1933. Helsinki: Suomalainen Tiedeseura, 1975. 274 S.
- Schwarz 1962 – Schwarz H.-P. Der konservative Anarchist. Politik und Zeitkritik Ernst Jüngers. Freiburg im Breisgau: Rombach, 1962. 320 S.
- Zieman 2013 – Ziemann B. Gewalt im ersten Weltkrieg: Töten-Überleben-Verweigern. Essen: Klartext Verlag, 2013. 276 S.

References

- Hietala, M. (1975), *Der neue Nationalismus: In der Publizistik Ernst Jüngers und des Kreises um ihn. 1920–1933*, Suomalainen Tiedeseura, Helsinki, Finland.
- Ringer, F. (2009), *Zakat nemetskikh mandarinov. Akademicheskoe soobshchestvo v Germanii, 1890–1933* [The decline of the German Mandarins. The German Academic Community, 1890–1933], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Schwarz, H.-P. (1962), *Der konservative Anarchist. Politik und Zeitkritik Ernst Jüngers*, Rombach, Freiburg im Breisgau, Germany.
- Solonin, Yu.N. (2000), “Ernst Junger. A way of life and spirit (Foreword)”, in Junger, E., *Rabochii. Gospodstvo i geshtal't; Total'naya mobilizatsiya; O boli* [Worker. Dominance and gestalt; Total mobilization; About pain], Nauka, Saint Petersburg, Russia, pp. 5–54.
- Zieman, B. (2013), *Gewalt im ersten Weltkrieg: Töten-Überleben-Verweigern*. Klartext Verlag, Essen, Germany.

Информация об авторе

Сергей В. Артамошин, доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия; 241036, Россия, Брянск, ул. Бежицкая, д. 14; artamoshinsv@mail.ru

Information about the author

Sergei V. Artamoshin, Dr. of Sci. (History), professor, Ivan Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia; 14, Bezhitskaya St., Bryansk, Russia, 241036; artamoshinsv@mail.ru